

Политические процессы в меняющемся мире

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.01

Трансформация мирового порядка через призму культурных измерений Г. Хофстеде

Игорь Дмитриевич КОМАРОВ

кандидат исторических наук, заместитель директора по международной деятельности, специалист по организационной работе Информационно-аналитического отдела Института международных отношений и мировой истории

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

проспект Гагарина, 23, Нижний Новгород, Российская Федерация, 603022

E-mail: igor.komarof@gmail.com, komarov@imomi.unn.ru

ORCID: 0000-0002-0348-0471

Мария Лавровна ГОРБУНОВА

доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой мировой экономики и таможенного дела Института экономики и предпринимательства

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

проспект Гагарина, 23, Нижний Новгород, Российская Федерация, 603022

E-mail: gorbunova@iee.unn.ru

ORCID: 0000-0003-2733-568X

ЦИТИРОВАНИЕ: Комаров И.Д., Горбунова М.Л. Трансформация мирового порядка через призму культурных измерений Г. Хофстеде // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 5. С. 6–28. DOI: 10.31249/kgt/2022.05.01

Статья поступила в редакцию 25.04.2022.

Исправленный текст представлен 08.08.2022.

АННОТАЦИЯ. *Статья представляет собой одну из первых попыток применить типологию культурных измерений Г. Хофстеде для анализа международных отношений в конструктивистском ключе. Предметом исследования является взаимодействие традиционных и восходящих центров силы, конкурирующих и сотрудничающих друг с другом. Культурные переменные,*

предложенные Г. Хофстеде и его последователями, к которым относятся дистанция власти, индивидуализм/коллективизм, избегание неопределенности, мужественность/женственность, краткосрочная/долгосрочная ориентация на будущее, индальгенция/сдержанность, были использованы для картирования положения государств с фокусированием на центрах силы.

Построенные диаграммы позволили выявить дифференциацию культурных измерений, характеризующих традиционные и восходящие центры силы, что является одним из факторов, усиливающих конфликтный потенциал международных отношений на современном этапе. Культурно-ценностная репрезентативность представителей Глобального Севера – традиционных центров силы – ниже, чем у представителей Глобального Юга – восходящих центров силы. Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что с большей вероятностью на смену текущему переходному этапу беспорядка придет многополярная, а не биполярная архитектура мирового порядка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *архитектура мирового порядка, центры силы, традиционные центры силы, восходящие центры силы, геополитическая напряженность, культурные измерения Хофстеде, ценности и международные отношения.*

Введение в проблему

Взаимодействие традиционных и восходящих центров силы является одной из постоянных исследовательских тем разных направлений теории международных отношений. Конструктивистские подходы в силу своей антропоморфной базы придают ей новое измерение. Культурные нормы и ценности, формирующие национальную идентичность, оказывают на динамику межгосударственных отношений не меньшее влияние, чем военные и экономические потенциалы.

Долговременное доминирование либеральных ценностей в мировой политике и экономике, усиленное глобализацией, способствовало демократизации государственного управления

и улучшению материальных условий жизни значительной части мирового населения, тем не менее современное состояние мирового порядка далеко от идеального. Его характеризуют не только региональные очаги напряженности, но и усиливающийся «водораздел» между Западом и «не Западом», сердцевинной которого являются отношения соперничества между традиционными и восходящими центрами силы.

Восходящие центры силы – это государства, хорошо обеспеченные природными и трудовыми ресурсами, имевшие в силу разных исторических причин низкие доходы на душу населения в начале глобализации, в ее ходе получившие от традиционных центров силы инвестиции и технологии. Можно сказать, что взаимодействие между центрами силы носило в целом прагматичный меркантилистский характер выгодного сотрудничества.

Вместе с тем либеральная глобализация характеризуется встроением в нее потенциалом углубления неравенства не только между людьми и корпорациями, но и между государствами. Углубление неравенства привело к исключению из эффективных международных экономических отношений инвестиционно-непривлекательных государств без выхода к морю или с недостаточной численностью населения (необходимо понимать, что речь идет о пороговом значении численности населения в несколько десятков миллионов человек).

После глобального кризиса 2008 г. мировое хозяйство исчерпало ресурсы текущего технологического уклада, достигнув пределов своего роста. Реализация сценария «новой нормальности» привела к сворачиванию глобализации и разворачиванию геополитики, что всегда происходит на долгосрочном горизонте эволюции системы международных отношений.

На начальном этапе разворачивания геополитической парадигмы международных отношений очаги напряженности стали формироваться на региональном уровне, охватывая государства с недостаточной включенностью (инклюзией) в благотворный цикл развития системы международных отношений. Примерами являются Ирак, Сирия и Афганистан, а также государства, затронутые событиями «арабской весны». На следующем этапе противоречия оформились в глобальное противостояние центров силы, что проявилось в санкционной эскалации между государствами Запада и Россией, а также в реализации США политики сдерживания в отношении КНР, приведшей к развязыванию торговой войны.

В условиях сокращения роли экономических связей и усиления военно-политических аспектов в осмыслении международных отношений возрастает роль не только неореализма, отсылающего к изучению противостояния ведущих государств, но и конструктивизма, опирающегося на моральные и ценностные основы внешней политики и межгосударственного

взаимодействия и приоритизирующего гуманитарное измерение общемировых политических процессов.

Предметом исследования данной статьи является изучение преимуществ и недостатков переноса концепта «национальный стереотип поведения», инерционного по своей природе и типологизированного в рамках теории международного бизнеса и кросс-культурного менеджмента, в теорию международных отношений.

Трансформация архитектуры мирового порядка: культурное измерение

Эволюция системы международных отношений может быть представлена как чередование периодов устойчивой архитектуры мирового порядка (*order*), которая определяется взаимодействием одного, двух или нескольких ведущих государств, и переходных периодов между ними (*disorder*) (см. рисунок 1), что соотносится с концептуальным видением А.Д. Богатурова [Богатуров, 1993; Богатуров, 2003].

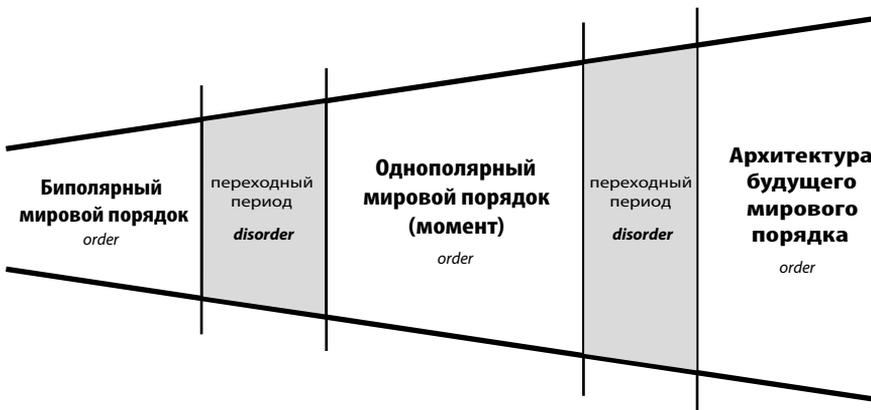

Рисунок 1. Эволюция мирового порядка: типы устойчивой архитектуры (*orders*) и переходные периоды (*disorders*)

Figure 1. The world order evolution: stable architectures (*orders*) and disorders stages

Источник: составлено авторами.

В периоды стабильности в межгосударственных отношениях преобладает глобализационный тренд, опирающийся на логику преимущественно экономической экспансии, в переходные периоды возрастает роль геополитики [Rosencrance, 1986; Богатуров, 1993; Khanna, 2010].

По мнению отечественных и зарубежных экспертов, в настоящее время наблюдается очередной переходный период (*disorder*) в развитии мирового порядка [Reich, Lebow, 2014; Nye, 2015; Haas, 2017; Чернега, 2021]. Предыдущий период устойчивой архитектуры (*order*), связанный с гегемонией США, получил название однополярного момента (*unipolar moment*) [Krauthammer, 1991], или однополярного мирового порядка (*unipolar order*) [Hansen, 2000]. Будущая архитектура находится в процессе формирования. Речь идет об определенной конкуренции двух моделей – многополярного мирового порядка и нового биполярного порядка с противостоянием США и КНР.

Первая идея была визионерски выдвинута политическим руководством Российской Федерации и Китайской Народной Республики в рамках двустороннего саммита, состоявшегося в апреле 1997 г. в Москве, итогом которого стала Декларация о многополярном мире¹. В отечественный и зарубежный научный оборот концепция вошла во второе десятилетие XXI в.; обращают на себя внимание публикации Ф. Петито [Petito, 2016], Д.А. Дегтерева [Degterev, 2019], А.Д. Воскресенского [Воскресенский, 2021].

Биполярность архитектуры международных отношений рассматривается как противостояние США с РФ и КНР [Хуейтонг, 2013; Дегтерев, Рамич, Цвык, 2021; Шаклеина, 2021], или, упрощен-

но, как прямое противостояние США и КНР [Фитуня, 2019].

Многополярность не имеет единой концептуализации. А. Ачария [Acharya, 2014; Ачария, 2018] понимает ее как мировой порядок без глобального гегемона, объединяющий черты Запада и остального мира – Глобального Севера и Глобального Юга. Ф. Петито [Petito, 2016] рассматривает ее как межцивилизационный диалог, то есть в конструктивистском ключе. Д.А. Дегтерев связывает ее с политической практикой, в которой реализуется взаимодействие традиционных центров силы (США и их союзников) и государств БРИКС [Degterev, 2019].

И в биполярной, и в многополярной архитектуре будущего возникает сюжет о взаимодействии традиционных и восходящих центров силы – государств Группы семи и БРИКС. Ряд авторов, таких как Дж. Айкенберри и Р. Либбер [Ikenberry, 2014; Lieber, 2014], придерживались точки зрения, что новые центры силы – Китай и Россия, даже не будучи по своей природе либеральными, будут успешно расти и развиваться внутри однополярного мирового порядка. Другие авторы – Ф. Мельничук [Mielniczuk, 2013], М. Ревизорский [Ревизорский, 2015], О. Штункель [Stuenkel, 2015] – полагали, что государства будут соперничать друг с другом. Торможение темпов роста мировой экономики после глобального кризиса 2008 г., получившее название «новой нормальности», усугубившееся постпандемийным спадом, противостояние на Ближнем Востоке, санкционное противостояние Запада и России, торговая война, развязанная между США в отношении КНР, в совокупности перевели взаимодействие традиционных и восходящих центров силы в режим геэкономиче-

1 РФ – КНР. Декларация о многополярном мире // Консорциум «Кодекс». Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – 1997. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902155> (дата обращения: 20.03.2022).

ской конкуренции, гибридных и традиционных конфликтов.

Текущая сложная геополитическая обстановка между ведущими державами (*great powers*) и перспективы ее преодоления в рамках новой стабильной архитектуры мирового порядка чаще анализируются в русле реализма с помощью теории баланса сил (*balance of power*) [Morgenthau, 1948; Mearsheimer, 2001] или рационалистской теории властного перехода (*power transition*) [Organski, 1958; Power transitions..., 2000; Power Transition in..., 2017, Горбунова, Комаров, 2020; Дегтерев, Рамич, Цвык, 2021].

Авторы полагают, что всё более актуализирующимся направлением в исследовании процессов формирования устойчивой архитектуры будущего мирового порядка является использование идей конструктивизма, высказанных в ранее упоминавшейся работе «Диалог цивилизаций в многополярном мире: на пути к мультицивилизационному мультиплексному мировому порядку» Ф. Петито [Petito, 2016]. Он полагал, что новый многополярный мир будущего преодолеет барьеры сталкивающихся цивилизаций С. Хантингтона [Huntington, 1996], и в основе межгосударственных отношений будут лежать процессы либеральной глобализации, объединяющие разные цивилизации [Fukuyama, 1993].

Идеи итальянского исследователя о скором формировании гармоничного многополярного мира отчасти утратили свою актуальность в настоящее время, поскольку произошло сворачивание глобализационного тренда и усиление геополитического противостояния между государствами, и даже Ф. Фукуяма в своей монографии 2018 г. «Иден-

тичность. Стремление к признанию и политика неприятия» [Fukuyama, 2018], по сути, перешел на позиции С. Хантингтона.

После завершения текущего переходного периода (*disorder*) при формировании новой стабильной архитектуры мирового порядка (*order*) глобальное сообщество вернется к «мультикультурному диалогу», «кросс-культурному регионализму» и «многоуровневому межцивилизационному взаимопониманию» (концепты Ф. Петито – *прим. авторов*). Существующие же в настоящее время противоречия и дизайн будущих линий сближения могут быть обозначены с помощью активно применяемых в международном бизнесе кросс-культурных аналитических подходов, к числу которых принадлежит типология культурных измерений, разработанных Г. Хофстеде, М. Минковым и их коллегами [Hofstede, Hofstede, Minkov, 2010; A Reconsideration of..., 2018; Minkov, Welzel, Schachner, 2020]. Данная группа исследователей использует следующий перечень культурных измерений²:

- 1) дистанция власти (*power distance*);
- 2) индивидуализм/коллективизм (*individualism / collectivism*);
- 3) мужественность/женственность (*masculinity / femininity*);
- 4) избегание неопределенности (*uncertainty avoidance*);
- 5) долгосрочная/краткосрочная ориентация на будущее (*long-term orientation / short-term orientation*);
- 6) индულгенция (потворство своим желаниям) / сдержанность (*indulgence / restraint*).

В применении типов культурных измерений к анализу международных отношений не всё прямолинейно.

2 Альтернативой типологии Г. Хофстеде являются переменные проекта GLOBE (*Global Leadership and Organizational Behavior Effectiveness*), в котором М. Минков также принимал участие. Авторы используют типологию Г. Хофстеде в эмпирической части исследования, поэтому фокусируются на ее интерпретации.

Авторы позволяют здесь собственную трактовку культурных измерений в связи с тем, что данное исследование представляет собой практически первую попытку применить интерпретационный потенциал типологии Г. Хофстеде и его последователей для анализа международных отношений. В русле вышеизложенного параметр «дистанция власти» (*power distance*) в ранжировании государств в большей степени подходит для оценки внутривосточной инклюзивности³, а не для оценки межгосударственных отношений.

Дихотомия индивидуализм/коллективизм (*individualism/collectivism*) подходит не только для анализа инклюзивности внутренних экономических институтов, но и для отношения государств на международной арене, где смысловое противопоставление «свой – чужой» выражено более явно, чем внутри государства.

Индивидуализм (*individualism*) в сфере международных отношений аппроксимирует модель либерального мирового порядка, продвигаемого США и их партнерами. Коллективистские ценности (*collectivism*) с определенной степенью приближения соотносятся с примененной в КНР моделью «развивающего капитализма» (*developmental order*) [Stubbs, 2018; Karagiannis, Cherikh, Elsner, 2020]. В то же время такая интерпретация не противоречит тому, что США в международных отношениях опираются на собственную исключительность, что признается в том числе Джозефом Найем-мл. [Nye jr., 2020]. Коллективизм (*collectivism*), по мнению авторов, отражает идеи инклюзивности, дефицит которой наблюдается и в теории международных отношений, и в их практике [Bhambra, 2020; Singh, 2020].

Показательно высказывание Дж. Миршаймера, что либеральные ценности в международных отношениях США целесообразно применять вплоть до того момента, пока не появляются государства, способные конкурировать с ними на международной арене; в этом случае необходимо переходить к концепциям реализма и нео-реализма, подразумевающих соперничество и противодействие ведущим конкурентам [Mearsheimer, 2018].

Культурное измерение Г. Хофстеде «мужественность/женственность» (*masculinity/femininity*) гипотетически подразумевает, что государства с более высоким индексом мужественности (*masculinity*) являются более воинственными, имеют склонность к решению конфликтов через конфронтацию, однако в то же время им свойственна лучшая реакция в кризисных ситуациях. Государства с высокой женственностью (*femininity*) более эффективны в решении социальных и гуманитарных вопросов.

Избегание неопределенности (*uncertainty avoidance*), или низкая склонность к риску в экономике и бизнесе, традиционно связано с инновационной ориентацией хозяйствующих субъектов. Низкий уровень избегания неопределенности (*low uncertainty avoidance*) считается элементом, способствующим прогрессу, но для международных отношений позитивный эффект созидательного разрушения неочевиден. Традиционные центры силы – исторические (исходные) бенефициары системы мирового порядка, в первую очередь США, имеют склонность к изменению правил, что формирует новые инновационные сценарии, которые в силу затратности перехода к ним создают условия монополизации

3 Инклюзивные политические институты – это концепция, предложенная Д. Аджемоглу и Дж.А. Робинсоном [Acemoglu, Robinson, 2012].

системы глобального управления. Так например, очевидно, переход к ESG-повестке ограничивает возможности развития, по сути, тормозит рост развивающихся государств с более низким уровнем удовлетворения потребностей населения. Рассуждая в подобном ключе, можно сделать вывод о том, что высокий уровень избегания неопределенности (*high uncertainty avoidance*) отражает стремление субъекта (государства) к стабильности и приверженность традиционным ценностям, в том числе на уровне системы международных отношений.

Смысловое противопоставление «долгосрочная/краткосрочная ориентация на будущее» (*long-term orientation / short-term orientation*) было введено в научный оборот ввиду необходимости учета азиатского мировоззрения [Browaeys, 2019]. Применительно к международным отношениям долгосрочная ориентация на будущее (*long-term orientation*) может быть связана с приверженностью к консерватизму, сложностью управления большими системами, свойственным в первую очередь многонаселенным государствам. Долгосрочная ориентация на будущее (*long-term orientation*) теоретически может проявляться не только у азиатских обществ, но и у ресурсоориентированных государств Африки и Латинской Америки, так как инфраструктурные и сырьевые проекты, составляющие основу их экономики, подразумевают существенные инвестиционные циклы.

Краткосрочная ориентация на будущее (*short-term orientation*) отражает способность быстро адаптироваться к изменениям внешней среды (по возможности подстроив ее под свои интересы), что для системы международных отношений может означать склонность к избирательному применению принятых глобальным сообществом правил и норм в условиях необходимости, но и

риск принятия ошибочных решений и совершения неверных действий высок. Ввиду неоднородности акторов международных отношений инерция неправильных решений и действий крупных государств и международных организаций имеет большие системное влияние и последствия.

Интерпретация другого относительно недавно введенного культурного измерения, также выраженного в формате дихотомии (контраста) – *индугльгенция (потворство своим желаниям) / сдержанность (indulgence / restraint)*, – связанного с уровнем счастья, по мнению авторов, затруднительна в контексте международных отношений, особенно в периоды напряженности. Скорее всего, более высокие показатели индугльгенции (*indulgence*) нации (государства) свидетельствуют о том, что оно является бенефициаром мирового порядка, в связи с этим при переходе к многополярной архитектуре мирового порядка общий показатель индугльгенции (потворства своим желаниям) должен увеличиться, что возможно оценить при наличии измерений в динамике. Сдержанность (*restraint*) характерна для наций (государств), которые существуют в режиме внутренних и внешних ограничений.

Как упоминалось ранее, модель Г. Хофстеде и его учеников не является единственной в своем роде и не лишена недостатков. Например, вызывает сомнения использование балльных (точечных) оценок для интерпретации поведения крупных сообществ людей, проживающих в разных государствах. В отличие от модели *GLOBE*, сложные полевые исследования не дают возможности оценить изменения культурных измерений. Кроме того, ряд неустойчивых государств отсутствует в выборках, что обусловлено невозможностью проведения там репрезентативных полевых исследований.

Позиционирование традиционных и восходящих центров силы в матрицах культурных измерений типологии Хофстеде

Методика исследования. Авторы статьи использовали в анализе вторичные данные проекта «Шесть измерений национальной культуры» по Хофстеде, размещенные в открытом доступе с возможностью использования в академических целях на сайте «Понимая Хофстеде» (*Hofstede-Insights*)⁴.

Выборка государств по первым четырем культурным измерениям – дистанция власти (*power distance*); индивидуализм/коллективизм (*individualism/collectivism*); мужественность/женственность (*masculinity/femininity*); избегание неопределенности (*uncertainty avoidance*) – составляет 118 наблюдений, по категориям долгосрочная/краткосрочная ориентация на будущее (*long-term orientation / short-term orientation*), индугенция/сдержанность (*indulgence/restraint*) – 100 наблюдений. И в той, и в другой выборке часть оценок получена экспертным путем. Лица, проводившие полевые исследования, результаты которых представлены на сайте «Понимая Хофстеде», указывают, что не смогли собрать репрезентативные данные в проблемных государствах Азии, Африки, Латинской Америки.

К исходным оценкам сайта «Понимая Хофстеде» авторы данной статьи добавили усредненные оценки по полным выборкам государств (отмечены на диаграммах треугольниками), а также по формализованным и неформализованным институтам глобального управления – постоянным членам Совета Безопасности ООН, участникам

Группы семи и БРИКС, добавив соответствующие группировки в диаграммы. Кроме этого, центры силы – постоянные члены Совета Безопасности ООН, участники Группы семи и БРИКС. Авторы намеренно оставили маркировку (название) только у центров силы, так как целью исследования является прогнозирование будущей архитектуры мирового порядка, полюсами которой будут являться центры силы в той или иной конфигурации.

К имеющимся балльным оценкам авторы применили графический анализ, построив наборы двумерных диаграмм, комбинирующих культурные измерения репрезентативным образом.

Результаты исследования

Диаграмма, представленная на рисунке 2, отражает соотношение внутренних политических и экономических институтов. Наблюдается дихотомия государств с низкой дистанцией власти и индивидуалистических (либеральных), с одной стороны (меньшинство), и недемократических, коллективистских, патерналистских, с другой стороны (большинство).

В представлении Аджемоглу, Робинсона [*Acemoglu, Robinson, 2012*] низкая дистанция власти и индивидуалистические ценности свидетельствуют о том, что в государствах сформированы инклюзивные политические и экономические институты, соответственно, высокая дистанция власти и коллективизм говорят об их экстрактивности.

Таким образом, очевидно, что внутренняя инклюзивность характеризует развитые государства – традиционные центры силы, а экстрактивность – развивающиеся государства и, соответственно, восходящие центры силы. Это объясняется историческими обстоятельствами, в первую очередь

4 Понимая Хофстеде. – URL: <https://www.hofstede-insights.com/> (дата обращения: 01.02.2022).

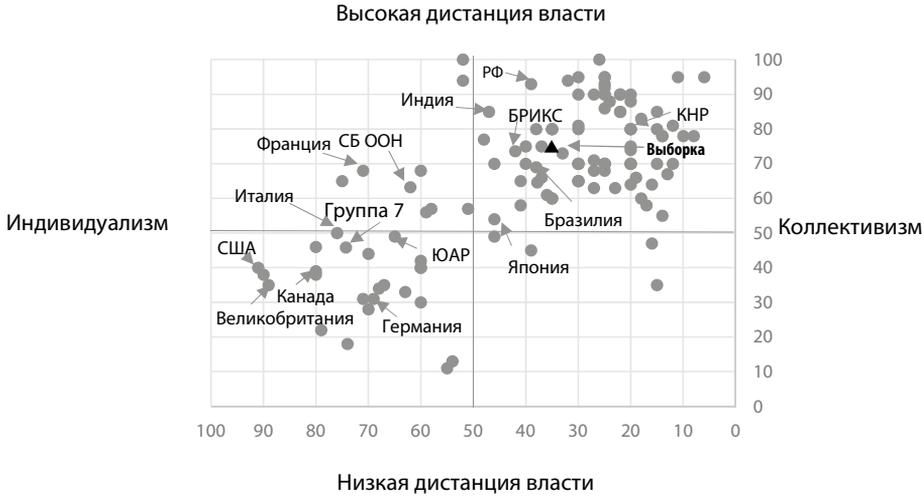

Рисунок 2. Распределение государств по осям индивидуализм/коллективизм и дистанция власти (n = 118)
Figure 2. Distribution diagram of states: individualism/collectivism vs power distance (n = 118)

Источник: выполнено авторами на основе: Hofstede-Insights. – URL: <https://www.hofstede-insights.com/> (дата обращения: 01.02.2022)..

связанными с колониальным прошлым, разным уровнем институционального развития и типом решаемых задач. По положению ЮАР на диаграмме можно сделать предположение о том, что государство оценивалось по кластеру белого населения [Browaey, 2019], то есть репрезентативность оценок культурных измерений Г. Хофстеде неполная по отношению к населению ЮАР.

Поскольку глобальная экономика находится в стагнации, государства в целях модернизации пытаются найти новые источники роста, заимствовав или адаптировав модели ведущих государств – традиционных и восходящих центров силы. С ценностной точки зрения государствам, не относящимся к великим державам, может оказаться ближе модель «развивающего капитализма», или «китайская» модель (*developmental capitalism*), что будет способствовать ее распространению и реали-

зации. Авторы полагают, что и российская модель, опирающаяся на сырьевую специализацию, в определенном смысле является еще более репрезентативной для государств Африки и Латинской Америки, чем китайская (которая более соответствует условиям Восточной и Юго-Восточной Азии).

«Пекинский» и «Московский» консенсусы делают БРИКС трансрегиональным объединением, которое предлагает вариативность моделей для государств развивающегося мира, осуществляющих модернизацию, что опровергает тезис о недостаточной репрезентативности БРИКС, существующий в дискурсе (см., например, в работе Р. Такура [Thakur, 2014]).

С точки зрения усредненных показателей прослеживается близость между средней оценкой по выборке 118 государств (выделено треугольником) и средней оценкой по государ-

ствам БРИКС с одновременной удаленностью от средних значений по Группе семи. Это может свидетельствовать о низких возможностях заимствования национальных моделей, опирающихся на традиционные западные ценности основной массой мировых государств (немаркированные точки на графике) и о возникновении напряженности в ходе либерально-демократической модернизации.

Анализ диаграммы позволяет увидеть потенциал взвешенного принятия решений, заложенный в концепцию постоянного членства в Совете Безопасности ООН: так, его положение на диаграмме ближе к основной массе государств (немаркированных точек на графике), что повышает его универсализм и репрезентативность.

Диаграмма, представленная на рисунке 3, показывает, что подавляющее большинство государств – и развитых, и развивающихся – стремятся избежать неопределенности. Более консервативные европейские государства расположены отдельно от Великобритании, Канады и США (англоязычных государств массовой иммиграции), что свидетельствует о дифференциации традиционных центров силы в сфере инновационно-ориентированного развития.

В то же время КНР и Индия – крупнейшие растущие рынки мира и восходящие центры – получили от западных государств инвестиционные и технологические ресурсы, дополняющие избыточность местных трудовых ресурсов, что позволило им реализовать модель инновационного развития и запустить изменения. Таким образом, КНР и Индия демонстрируют потенциал локомотивов будущего экономического роста, который будет сопровождать будущую архитектуру мирового порядка.

И на данной диаграмме видна ценностная нерепрезентативность этих

крупных восходящих центров с точки зрения выражения интересов большинства рассмотренных государств (что в графическом смысле определяется их положением вне основной массы немаркированных точек – в правом нижнем квадранте). Однако с точки зрения культурных измерений Г. Хофстеде БРИКС в целом являются репрезентативными по отношению к рассматриваемой выборке государств, что представлено и на рисунке 2.

Рисунок 4 показывает, что количество государств с краткосрочной ориентацией превышает число государств с долгосрочной ориентацией (об этом говорит положение точки, соответствующей значению по выборке государств).

Набор государств по обе стороны от центральной оси позволяет увязать горизонт принятия решений с их историческим возрастом, а также осуществить кластеризацию с точки зрения успешности их моделей развития.

К государствам с долгосрочной ориентацией левого квадранта с индивидуалистическими ценностями (либеральными моделями) относятся европейские государства-метрополии. В правом квадранте – квадранте коллективизма с долгосрочной ориентацией – находятся Российская Федерация и азиатские государства с многовековой историей цивилизации, с ними вместе находятся «азиатские тигры» и государства двух макрорегионов – Центральной Европы и Азии (европейская периферия).

Государства в правом нижнем квадранте диаграммы рисунка 4 (примечательно, что здесь находится и точка средних значений по выборке, в то время как государства БРИКС удалены) – наибольшие «неудачники развития», главным образом бывшие колонии с относительно низким опытом государственного управления.

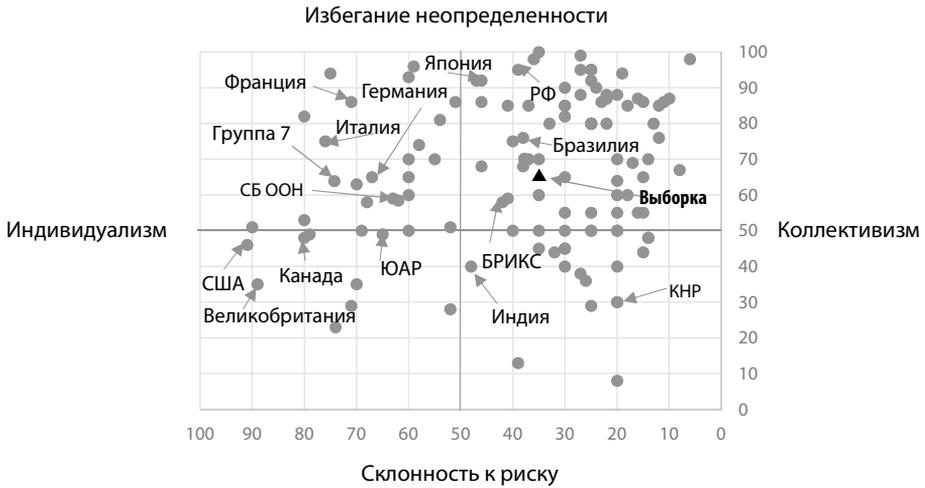

Рисунок 3. Распределение по осям индивидуализм/коллективизм и избегание риска / склонность к риску (n = 118)

Figure 3. Distribution diagram of states: individualism/collectivism vs uncertainty avoidance / risk propensity (n = 118)

Источник: выполнено авторами на основе: Hofstede-Insights. – URL: <https://www.hofstede-insights.com/> (дата обращения: 01.02.2022).

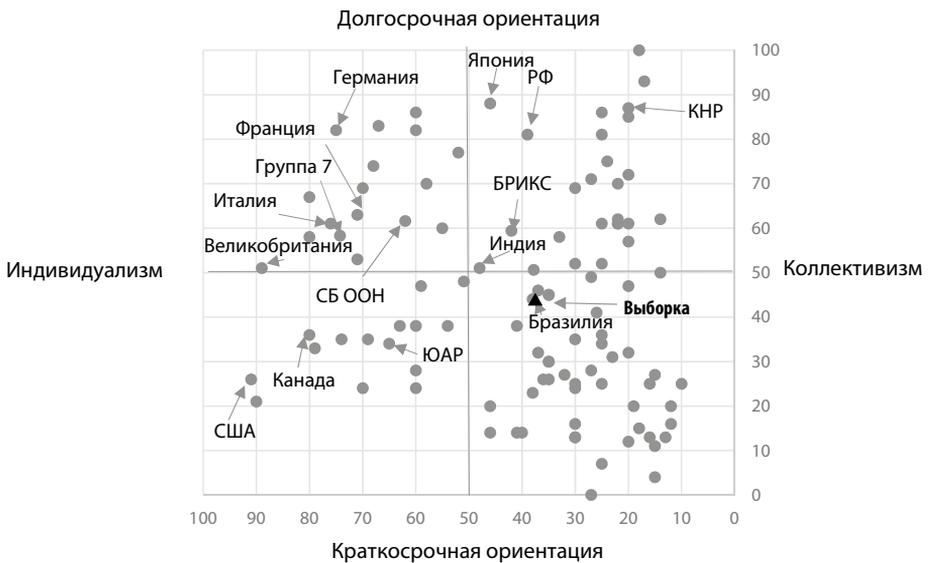

Рисунок 4. Распределение государств по осям индивидуализм/коллективизм и долгосрочная/краткосрочная ориентация на будущее (n = 100)

Figure 4. Distribution diagram of states: individualism/collectivism vs long-term orientation / short-term-orientation (n = 100)

Источник: выполнено авторами на основе: Hofstede-Insights. – URL: <https://www.hofstede-insights.com/> (дата обращения: 01.02.2022).

В левом нижнем квадранте представлены индивидуалистические государства с краткосрочной ориентацией на будущее, представляющие описанную ранее группу англоязычных государств массовой иммиграции, которые составляют перечень ключевых бенефициаров существующего мирового экономического порядка.

В контексте формирования архитектуры мирового порядка и выхода из состояния геополитической напряженности представляет интерес диаграмма распределения государств по долгосрочной/краткосрочной ориентации на будущее и избеганию неопределенности (рисунок 5), являющаяся комбинацией предыдущих диаграмм (см. рисунки 3 и 4): в ней не представлен аспект экономической модели, за которую отвечает смысловое противопоставление «индивидуализм/коллективизм» (*individualism/collectivism*). Таким образом, диаграмма, представлен-

ная на рисунке 5, отражает только поле принятия решений.

Данная диаграмма показательна в контексте противостояния США и КНР. Оба центра силы отличаются низкой склонностью к риску, то есть потенциально стремятся к обновлению правил – инновациям – мирового порядка, в том числе из-за своего потенциала в мировом хозяйстве, для получения исключительных преимуществ. Однако представители США реализуют цели и задачи краткосрочного характера, в том числе для того, чтобы получить конкурентные преимущества спекулятивного свойства, а КНР ориентируется на долгосрочный горизонт.

В контексте биполярной архитектуры мирового порядка такое позиционирование конфликтно. У США создаются предпосылки сохранить однополярную архитектуру, в том числе за счет установления правил игры в глобальном масштабе и вмешательства

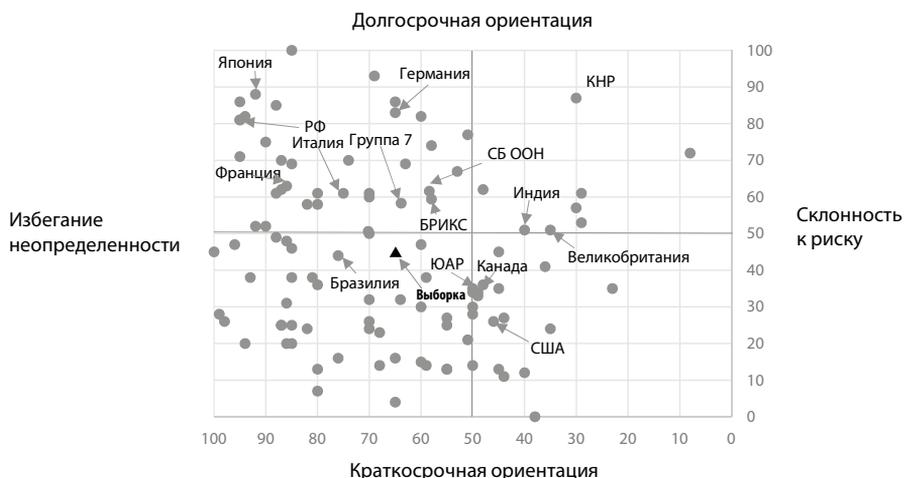

Рисунок 5. Распределение по осям «избегание неопределенности / склонность к риску» и «долгосрочная/краткосрочная ориентация» (n = 100)

Figure 5. Distribution diagram of states: uncertainty avoidance / risk propensity vs long-term orientation / short-term-orientation (n = 100)

Источник: выполнено авторами на основе: Hofstede-Insights. – URL: <https://www.hofstede-insights.com/> (дата обращения: 01.02.2022).

в дела не только своих соперников, но и сопряженных с ними государств с целью блокирования развития и вовлечения в конфликтную ситуацию [Bacevich, 2018]. Китай ориентирован на более устойчивый многополярный или биполярный мировой порядок в тесном партнерстве с Россией [РФ – КНР..., 1997; Xuetong, 2013], так как сам обладает дефицитом ресурсов, в первую очередь энергетических и продовольственных [Горбунова, Комаров, 2020].

По мнению авторов, КНР получила высокую склонность к риску в результате заимствования идей либерализма, сохранив долгосрочный горизонт как ключевую черту самоидентификации, что согласуется с идеями Дж. Айкенберри и Р. Либера [Ikenberry, 2014; Lieber, 2014]. Однако это утверждение имеет гипотетический характер, так как культурные измерения Хофстеде в динамике не оценивались. И на этой диаграмме усредненные оценки по государствам БРИКС удалены от средних оценок по анализируемой выборке из-за переменной горизонта планирования.

На рисунке 6 представлена диаграмма распределения государств по осям «индивидуализм/коллективизм» и «мужественность/женственность». Представляется, что проявления мужественности должны быть связаны с воинственностью и экспансией, женственность – стремлением к миру и равновесию.

По мнению авторов, культурные измерения в этой сфере демонстрируют существенную историческую инерцию. Например, высокие показатели мужественности Японии и значительные показатели женственности у России, полученные эмпирическим путем авторами проекта «Шесть измерений национальной культуры» по Хофсте-

де⁵, говорят о неоднозначности связи смыслового противопоставления мужественность/женственность с милитаризацией.

Культурное измерение «мужественность», помимо Японии, в большей степени проявляется у государств, потерпевших поражение во Второй мировой войне, чьи вооруженные силы и ВПК долгое время находились под ограничениями. В то же время у России (государства с высоким уровнем женственности) наблюдается высокий уровень военных расходов и большая численность вооруженных сил, в чем проявляются традиционные элементы оборонной политики государства, стремящегося защитить свои ресурсы. Таким образом, политика, реализуемая Россией, позволяет расширить интерпретацию культурного измерения «женственность», которая проявляется на уровне государств как «защита слабого», обеспечение мира и стремление к справедливости.

Рисунок 6 позволяет также выявить круг мирно настроенных государств – они находятся в нижней половине диаграммы. Государства БРИКС (ограниченно репрезентативны с точки зрения общей выборки) имеют более высокий средний показатель «мужественности», что говорит об их статусе центров силы. Кроме того, диаграмма, представленная на рисунке 6, с определенным допущением позволяет распределить государства с высоким индексом мужественности с точки зрения генезиса конфликтов: индивидуалистические государства чаще ведут эффективные, прагматические конфликты, в том числе за ресурсы, а коллективистские – более разрушительные, обусловленные ценностными установками и идеологией.

5 Понимая Хофстеде. – URL: <https://www.hofstede-insights.com/> (дата обращения: 01.02.2022).

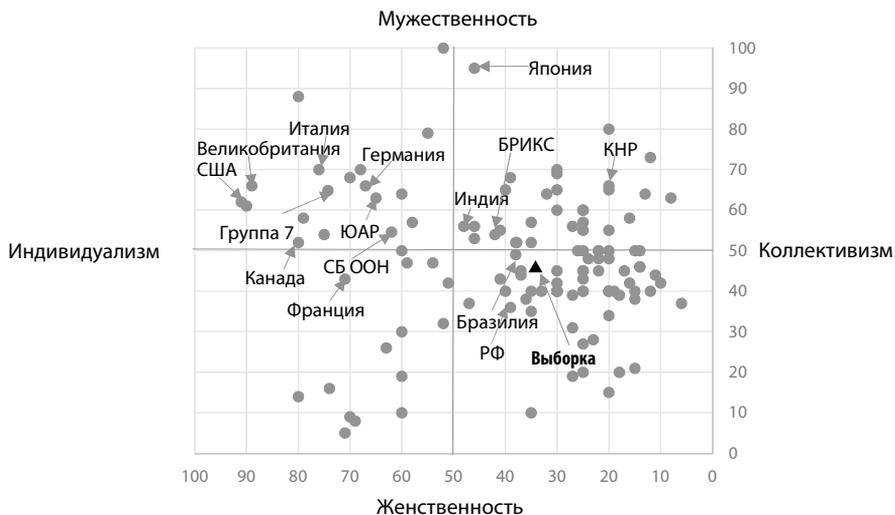

Рисунок 6. Распределение по осям индивидуализм/коллективизм и мужественность/женственность (n = 100)

Figure 6. Distribution diagram of states: individualism / collectivism vs masculinity / femininity (n = 100)

Источник: выполнено авторами на основе: Hofstede-Insights. – URL: <https://www.hofstede-insights.com/> (дата обращения: 01.02.2022).

На рисунке 7 представлено распределение государств по осям индивидуализм/коллективизм и индугенция (потворство своим желанием) / сдержанность.

Рисунок показывает, что среди традиционных центров силы много индивидуалистических государств с высоким уровнем измерения «индугенция (потворство своим желанием)», другими словами, склонностью к самопрощению и эгоизму. Это англоязычные государства массовой иммиграции во главе с США, на рисунке они представлены в верхней части. Центры силы с высокой степенью коллективизма характеризуются высоким уровнем сдержанности. Такая дифференциация обусловлена различиями в уровне экономического развития и более высоким уровнем удовлетворения потребностей в иерархии А. Маслоу. Государ-

ства БРИКС являются репрезентативными с точки зрения всей выборки по сравнению с традиционными центрами силы – Группы семи. Интерпретация смыслового противопоставления «индугенция/сдержанность» сходна графически с парой «долгосрочная/краткосрочная ориентация на будущее» (см. рисунок 4).

Общий анализ диаграмм позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, государства, которым свойственны – в разрезе культурных измерений Г. Хофстеде – индивидуализм, низкий уровень избегания рисков, краткосрочная ориентация на будущее, не могут построить в мировом масштабе стабильную систему. Построенная таким образом мировая система управления, имеющая в качестве главных бенефициаров государства с высоким культурным измерением

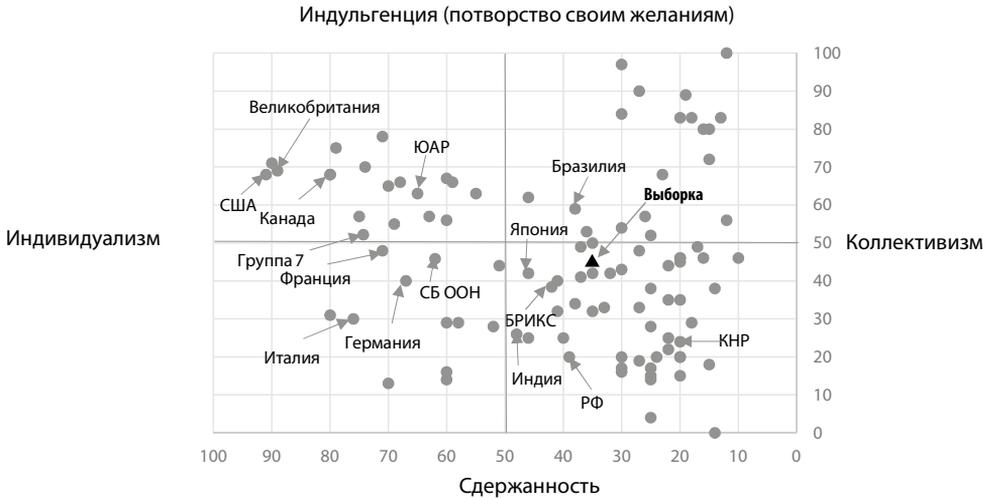

Рисунок 7. Распределение по осям индивидуализм/коллективизм и инд�льгенция / сдержанность (n = 100)
Figure 7. Distribution diagram of states: individualism / collectivism vs indulgence / restraint (n = 100)

Источник: выполнено авторами на основе: Hofstede-Insights. – URL: <https://www.hofstede-insights.com/> (дата обращения: 01.02.2022).

индивидуализма, будет иметь колониалистический характер и конфликтогенный потенциал ввиду невозможности индивидуалистов принять инаковость коллективистов на равном с собой уровне, что дало бы шанс на инклюзивность мирового порядка.

Во-вторых, диаграммы демонстрируют, что государства Запада и по отдельности, и в рамках Группы семи не являются репрезентативными с точки зрения культурных измерений по Г. Хофстеде по отношению к большинству государств мира, что ставит под сомнение модернизацию государств Глобального Юга в логике западных моделей и требует пересмотра доктринальных установок в направлении совершенствования и дальнейшего развития корпуса незападных теорий международных отношений.

Во-третьих, исследование подтвердило, что модели восходящих центров

силы неоднородны. Кроме общеизвестного Пекинского консенсуса, или «китайской экономической модели», соответствующих азиатским экономикам, трудоизбыточным и дефицитным с точки зрения природных ресурсов, авторами выявлено пространство Московского консенсуса для экономик с избытком природных ресурсов. Среди восходящих центров – государств БРИКС – к первому типу принадлежит также Индия, ко второму – Бразилия и ЮАР.

В-четвертых, исследование позволяет сделать вывод о том, что такая неоднородность внутри БРИКС является ее преимуществом, так как делает объединение более репрезентативным с точки зрения культурных измерений по Г. Хофстеде по отношению к большинству государств мира, отмеченных на диаграммах немаркированными точками.

Всё изложенное ранее говорит о том, что с большей вероятностью на смену текущему переходному этапу беспорядка (*disorder*) придет многополярная, а не биполярная архитектура мирового порядка (*order*), с учетом успешных моделей государств БРИКС. Многополярность архитектуры мирового порядка заложена в логике развития международных отношений в русле использования интерпретационного потенциала типологии культурных измерений Г. Хофстеде в анализе эволюции мирового порядка.

В то же время использование типологии культурных измерений Г. Хофстеде имеет ряд дискуссионных моментов. Изначально теория опирается на гипотезу о том, что более успешные бизнес-отношения будут реализованы между государствами со сходными параметрами дистанции власти, индивидуализма/коллективизма, избегания неопределенности, мужественности/женственности, краткосрочной/долгосрочной ориентации на будущее, индугенции/сдержанности, которую авторы экстраполируют на международные отношения. Представляется, что в западную парадигму мышления, к которой принадлежит типология Г. Хофстеде, заложено построение международных отношений на основе культурно-ценностной однородности. Таким образом, теория Г. Хофстеде соответствует позиции С. Хантингтона, который выделял в качестве ключевой черты будущего мирового порядка столкновение цивилизаций, не оставляя вариантов для «мирной» многополярности, обозначив, что позиция Запада подразумевает конфликтогенность, в том числе из-за неспособности индивидуалистов сохранять долгосрочные отношения с коллективистами. В то же время культурно-ценностная неоднородность – основная гипотеза многополярной архитектуры мирового порядка.

Заключение

Ценностные установки и национальные стереотипы поведения являются гуманитарной составляющей международных отношений, связанной с институциональным взаимодействием. Понимание линий сопряжения ценностей и конфликтов между ними является актуальным направлением исследований в условиях текущего мирового (геополитического) беспорядка и сворачивания глобализационного вектора развития международных отношений.

Культурные измерения Г. Хофстеде, изначально предложенные в рамках кросс-культурного менеджмента и апробированные в рамках обеспечения эффективного функционирования международных коллективов, впервые применены для анализа международных отношений и взаимодействия центров силы, формирующих архитектуру мирового порядка.

Применение методологического аппарата культурных измерений показало значительный интерпретационный потенциал и позволило наглядно выявить кооперационные и конфликтные аспекты расстановки сил, в первую очередь центров силы в системе международных отношений. Это объясняется тем, что культурные измерения, среди которых дистанция власти, избегание неопределенности, дихотомические пары индивидуализм/коллективизм, мужественность/женственность, долгосрочная/краткосрочная ориентация, индугенция/сдержанность, имплементируются во внешнюю политику и международные политические процессы через непосредственное взаимодействие людей.

Ключевые выводы статьи связаны с наглядной демонстрацией несоответствия культурных измерений традиционных центров силы (бенефициаров

уходящего мирового порядка) не только установкам восходящих центров силы, но и низким уровнем их репрезентативности по отношению к анализируемой выборке государств мира. Напротив, государства БРИКС по большинству параметров (исключение составляют параметры мужественности и горизонта планирования) являются репрезентативными по отношению к мировому сообществу. Это состояние достигается за счет неоднородности политико-экономических моделей лидеров Глобального Юга: среди них есть как государства с развитой ресурсной базой, так и государства, построившие свое благополучие на развитии трудоемких отраслей, трансформировавшееся позднее в промышленно и инновационно ориентированные экономики. Эта репрезентативность, по мнению авторов, свидетельствует о том, что следующая архитектура мирового порядка будет многополярной.

Исследования могут продолжаться в направлении вовлечения в теорию международных отношений других методик, связанных с оценкой культурных измерений, в первую очередь тех, которые позволяют увидеть процессы культурной эволюции в динамике.

Список литературы

Ачария А. Роль «Глобального Юга» в мультиплексном мире. Интервью с профессором Амитагом Ачарией, Американский университет, США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Международные отношения. – 2018. – Т. 18, № 3. – С. 701–705.

Богатуров А.Д. Кризис миросистемного регулирования // Международная жизнь. – 1993. – № 7. – С. 30–40.

Богатуров А.Д. Международный порядок в наступившем веке // Междуна-

родные процессы. – 2003. – Т. 1, № 1. – С. 6–23.

Воскресенский А.Д. Новая мировая архитектура, макрорегиональные трансформации потенциально глобального характера и значение китайского опыта // Сравнительная политика. – 2021. – Т. 12, № 3. – С. 5–20.

Горбунова, М.Л., Комаров И.Д. Ведущие центры силы в обеспечении безопасности неустойчивых государств мира // Сравнительная политика. 2020. – Т. 11, № 3. – С. 57–74.

Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В. США – КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Международные отношения. – Т. 21, № 2. – С. 210–231.

Ревизорский М. «Группа семи/восьми» – «Группа двадцати» – БРИКС: новая триада в глобальном управлении? // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2015. – Т. 10, № 4. – С. 29–48.

РФ – КНР: Декларация о многополярном мире // Консорциум «Кодекс». Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – 1997. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902155> (дата обращения: 20.03.2022).

Чернега В.Н. «Геополитический беспорядок» в мире и Россия // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – Т. 14, № 3. – С. 6–22.

Фитуни Л.Л. На пути к новой биполярности: геэкономика и геополитика противостояния в Африке // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – Т. 12, № 3. – С. 6–29.

Шаклеина Т.А. Новый этап в формировании мирового порядка // Международные процессы. – 2021. – Т. 19, № 3 (66). – С. 6–21.

Acemoglu D., Robinson, J.A. *Why Nations Fail*. – New York : Crown Business, 2012. – 544 p.

Acharya A. *The End of American World Order*. – Cambridge : Polity Press, 2014. – 96 p.

A Reconsideration of Hofstede's Fifth Dimension: New Flexibility Versus Monumentalism Data From 54 Countries / Minkov M., Michael H., Bond M.H., Dutt P., Schachner M., Morales O., Sanchez C., Jandosova J., Khassenbekov Y., Mudd B. // *Cross-Cultural Research*. – 2018. – Vol. 52, N 3. – P. 309–333. – DOI: 10.1177/1069397117727488.

Bacevich A.J. *Twilight of the American Century*. – Notre Dame (Indiana) : University of Notre Dame Press, 2018. – 504 p.

Bhambra G.K. Colonial global economy: towards a theoretical reorientation of political economy // *Review of International Political Economy*. – 2020. – Vol. 28, N 2. – P. 1–16. – DOI: 10.1080/09692290.2020.1830831.

Browaeyns M.-J. *Understanding Cross-Cultural Management*. – 4th Edition. – London : Pearson Education Limited, 2019. – 410 p.

Degterev D.A. *Multipolar World Order: Old Myths and New Realities* // Вестник РУДН. Международные отношения = Vestnik RUDN. International Relations. – 2019. – Т. 19, № 3. – С. 404–419.

Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. – New York : Free Press, 1992. – 418 p.

Fukuyama F. *Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment*. – New York : Farrar, Straus and Giroux, 2018. – 240 p.

Haas R.A. *World in Disarray: A World in Disarray: American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order*. – London : Penguin Press, 2017. – 352 p.

Hansen B. *The Unipolar World Order and its Dynamics* // *The New World Or-*

der. Contrasting Theories / Ed. by B. Hansen, B. Heurlin. – London : Palgrave Macmillan, 2000. – P. 112–133.

Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. *Cultures and organizations: Software of the mind. Intercultural Cooperation and Its Importance for Survival*. – London : McGraw-Hill, 2010. – 576 p.

Huntington S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. – New York : Simon and Schuster, 1996. – 368 p.

Ikenberry G.J. *The Illusion of Geopolitics: The Enduring Power of the Liberal Order* // *Foreign Affairs*. – 2014. – Vol. 93, N 3. – P. 80–90. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2014-04-17/illusion-geopolitics> (дата обращения: 16.06.2022).

Karagiannis N., Cherikh M., Elsner W. *Growth and Development of China: A Developmental State “With Chinese Characteristics”* // *Forum for Social Economics*. – 2020. – Vol. 53, N 1. – P. 1–19. – DOI: 10.1080/07360932.2020.1747515.

Khanna P. *The Second World: How Emerging Powers Are Redefining Global Competition in the Twenty-First Century*. – New York : Random House, 2010. – 496 p.

Krauthammer Ch. *The Unipolar Moment* // *Foreign Affairs*. – 1991. – Vol. 70, N 1. – P. 23–33. – URL: <https://users.metu.edu.tr/utuba/Krauthammer.pdf> (дата обращения: 16.06.2022).

Lieber R.J. *The Rise of the BRICS and American Primacy* // *International Politics*. – 2014. – Vol. 51, N 2. – P. 137–54. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1057/ip.2014.1> (дата обращения: 16.06.2022).

Mearsheimer J.J. *The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*. – New Haven, CT : Yale University Press, 2018. – 328 p.

Mearsheimer J.J. *The Tragedy of Great Power Politics*. – New York : Norton, 2001. – 592 p.

Mielniczuk F. BRICS in the Contemporary World: Changing Identities, Converging Interests // *Third World Quarterly*. – 2013. – Vol. 34, N 5. – P. 1075–1090. – DOI: 10.1080/01436597.2013.802506.

Minkov M., Welzel C., Schachner M. Cultural Evolution Shifts the Source of Happiness from Religion to Subjective Freedom // *Journal of Happiness Studies*. – 2020. – Vol. 21, N 8. – P. 2873–2888. – DOI: 10.1007/s10902-019-00203-w.

Morgenthau H. *Politics among Nations*. – New York : Knopf, 1948. – 489 p.

Nye J.S. Jr. *Do Morals Matter? Presidents and Foreign Policy from FDR to Trump*. – New York : Oxford University Press, 2020. – 272 p.

Nye J.S. Jr. *Is the American Century Over? (Global Futures)*. – 1st Edition. – Cambridge : Polity, 2015. – 282 p.

Organski A.F.K. *World Politics*. – New York : Alfred A. Knopf, 1958. – 461 p.

Petito F. *Dialogue of Civilizations in a Multipolar World: Toward a Multicivilizational Multiplex World Order* // *International Studies Review*. – 2016. – Vol. 18, N 1. – P. 78–91. – URL: <https://www.jstor.org/stable/24758339> (дата обращения: 16.06.2022).

Power Transition in Asia (2017). Ed. by D. Walton, E. Kavalski. London : Routledge, 240 pp. – DOI: 10.4324/9781315601830.

Power Transitions: Strategies for the 21st Century / Tammen R.L., Kugler J., Lemke D., Stam III A.C., Abdollahian M.,

Alsharabati C., Efrid B., Organski A.F.K. – 1st Edition. – London : Seven Bridges Press, LLC / Chatham House, 2000. – 244 p.

Reich S., Lebow R.N. *Good-Bye Hegemony! Power and Influence in the Global System*. – Princeton : Princeton University Press, 2014. – 208 p.

Rosencrance R. *The Rise of the Trading State. Commerce and Conquest in the Modern World*. – New York : Basic Books, 1986. – 268 p.

Stubbs R. *Order and Contestation in the Asia-Pacific Region: Liberal vs Developmental/Non-interventionist Approaches* // *The International Spectator*. – 2018. – Vol. 53, N 1. – P. 138–151. – DOI: 10.1080/03932729.2018.1402581.

Stuenkel O. *The G7 and BRICS in the Post-Crimea World Order* // *Russia in Global Affairs*. – 2015. – Vol. 13, N 2. – P. 128–138. – URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/the-g7-and-brics-in-the-post-crimea-world-order/> (дата обращения: 16.06.2022).

Thakur R. *How Representative are BRICS?* // *Third World Quarterly*. – 2014. – Vol. 35, N 10. – P. 1791–1808. – DOI: 10.1080/01436597.2014.971594.

Power Transition in Asia / Ed. by D. Walton, E. Kavalski. – London : Routledge, 2017. – 240 p.

Xuetong Y. *For a New Bipolarity: China and Russia vs. America* // *New Perspectives Quarterly*. – 2013. – Vol. 30, N 2. – P. 12–15. – DOI: 10.1111/npqu.11366.

Political Processes in the Changing World

DOI: 10.31249/kgf/2022.05.01

World Order Architecture and G. Hofstede's Cultural Dimensions

Igor D. KOMAROV

PhD in History, Deputy Director and Manager of Information and Analytical Department, Institute of International Relations and World History Lobachevsky National Research University of Nizhny Novgorod Gagarin Avenue, 23, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603022
E-mail: igor.komarof@gmail.com, komarov@imomi.unn.ru
ORCID: 0000-0002-0348-0471

Maria L. GORBUNOVA

DSc in Economics, Associated Professor, Chief of the Chair of World Economy and Customs, Institute of Economy and Entrepreneurship Lobachevsky National Research University of Nizhny Novgorod Gagarin Avenue, 23, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603022
E-mail: gorbunova@iee.unn.ru
ORCID: 0000-0003-2733-568X

CITATION: Komarov I.D., Gorbunova M.L. (2022). World Order Architecture and G. Hofstede's Cultural Dimensions. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 5, pp. 6–28 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgf/2022.05.01

Received: 25.04.2022.

Revised: 08.08.2022.

ABSTRACT. *The article represents an attempt to apply G. Hofstede's typology of cultural dimensions to analyze international relations in a constructivist view. The study sheds light on competing and cooperating interaction of traditional and rising powers. The methodology implies to implement the list of cultural variables such as power distance, individualism/collectivism, uncertainty avoidance, masculinity/femininity, short-term/long-term orientation, indulgence/restraint to map the position of states with a focus on great powers.*

The constructed diagrams made it possible to reveal the differentiation of cultur-

al dimensions that characterize traditional and rising powers. This differentiation is one of the factors that may contribute to the increase in the potential conflict in the international relations at present. The overall cultural representativeness of the Global North leaders, i.e. traditional powers, is lower than that of the representatives of the Global South leaders, i.e. rising powers. The results of the study generate the conclusion that the current disorder as transitional stage of the international relations is more likely to be replaced by a multipolar rather than a bipolar world order architecture.

KEYWORDS: *world order architecture, great powers, traditional powers, rising powers, geopolitical tensions, G. Hofstede's cultural dimensions, values and international relations.*

References

- Acemoglu D., Robinson J.A. (2012). *Why Nations Fail*. New York : Crown Business, 544 pp.
- Acharya A. (2014). *The End of American World Order*. Cambridge : Polity Press, 96 pp.
- Acharya A. (2018). The role of the "Global South" in the multiplex world. Interview with Professor Amitav Acharya, American University, USA. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 18, no. 3, pp. 701–705 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-3-701-705.
- A Reconsideration of Hofstede's Fifth Dimension: New Flexibility Versus Monumentalism Data From 54 Countries (2018). Minkov M., Bond M.H., Dutt P., Schachner M., Morales O., Sanchez C., Jandosova J., Khassenbekov Y., Mudd B. *Cross-Cultural Research*, vol. 52, no. 3, pp. 309–333. DOI: 10.1177/1069397117727488.
- Bacevich A.J. (2018). *Twilight of the American Century*. Notre Dame (Indiana) : University of Notre Dame Press, 504 pp.
- Bhambra G.K. (2020). Colonial global economy: towards a theoretical reorientation of political economy. *Review of International Political Economy*, vol. 28, no. 2, pp. 1–16. DOI:10.1080/09692290.2020.1830831.
- Bogaturov A.D. (1993). Crisis of world system regulation. *International Affairs*, no. 7, pp. 30–40 (in Russian).
- Bogaturov A.D. (2003). International order in the coming century. *International Trends*, vol. 1, no. 1, pp. 6-23 (in Russian).
- Browaeyns M.-J. (2019). *Understanding Cross-Cultural Management*. 4th Edition. London : Pearson Education Limited, 410 pp.
- Chernega V.N. (2021). "Geopolitical disorder" in the world and Russia. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no. 3, pp. 6–22 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-1.
- Degterev D.A. (2019). Multipolar World Order: Old Myths and New Realities. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 19, no. 3, pp. 404–419. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-404-419.
- Degterev D.A., Ramich M.S., Tsvyk A.V. (2021). U.S. – China: "Power Transition" and the Outlines of "Conflict Bipolarity", *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 21, no. 2, pp. 210–231 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231
- Fituni L.L. (2019). Towards a New-bipolar Model of the New World Order: Scouting Game in Africa. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 3, pp. 6–29 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-6-29.
- Fukuyama F. (1992). *The End of History and the Last Man*. New York : Free Press, 418 pp.
- Fukuyama F. (2018). *Identity: The Demand for Dignity and the Political of Resentment*. New York : Farrar, Straus and Giroux, 240 pp.
- Gorbunova M.L., Komarov I.D. (2020). Leading Traditional and Rising Powers as Security Providers in the World Most Fragile States. *Comparative Politics Russia*, vol. 11, no. 3, pp. 57–74 (in Russian). DOI 10.24411/2221-3279-2020-10036.
- Haas R.A. (2017). *World in Disarray: A World in Disarray: American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order*. London : Penguin Press, 352 pp.
- Hansen B. (2000). The Unipolar World Order and its Dynamics. In: Hansen B., Heurlin B. (eds.). *The New World Order. Contrasting Theories*. London : Palgrave

- Macmillan, pp. 112–133. DOI: 10.1057/97814039.
- Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. (2010). *Cultures and organizations: Software of the mind. Intercultural Cooperation and Its Importance for Survival*. London : McGraw-Hill, 576 pp.
- Huntington S. (1996). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York : Simon and Schuster, 368 pp.
- Ikenberry G.J. (2014). The Illusion of Geopolitics: The Enduring Power of the Liberal Order. *Foreign Affairs*, vol. 93, no. 3, pp. 80–90. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2014-04-17/illusion-geopolitics>, accessed 16.06.2022.
- Karagiannis N., Cherikh M., Elsner W. (2020). Growth and Development of China: A Developmental State “With Chinese Characteristics.” *Forum for Social Economics*, vol. 53, no. 1, pp. 1–19. DOI: 10.1080/07360932.2020.1747515.
- Khanna P. (2010). *The Second World: How Emerging Powers Are Redefining Global Competition in the Twenty-First Century*. New York : Random House, 496 pp.
- Krauthammer Ch. (1991). The Unipolar Moment. *Foreign Affairs*, vol. 70, no. 1, pp. 23–33. Available at: <https://users.metu.edu.tr/utuba/Krauthammer.pdf>, accessed 16.06.2022.
- Lieber R.J. (2014). The Rise of the BRICS and American Primacy. *International Politics*, vol. 51, no. 2, pp. 137–54. DOI: 10.1057/ip.2014.1.
- Mearsheimer J.J. (2001). *The Tragedy of Great Power Politics*. New York : Norton, 592 pp.
- Mearsheimer J.J. (2018). *The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*. New Haven, CT : Yale University Press, 328 p.
- Mielniczuk F. (2013). BRICS in the Contemporary World: Changing Identities, Converging Interests. *Third World Quarterly*, vol. 34, no. 5, pp. 1075–1090. DOI: 10.1080/01436597.2013.802506.
- Minkov M., Welzel C., Schachner M. (2020). Cultural Evolution Shifts the Source of Happiness from Religion to Subjective Freedom. *Journal of Happiness Studies*, vol. 21, no. 8, pp. 2873–2888. DOI: 10.1007/s10902-019-00203-w.
- Morgenthau H. (1948). *Politics among Nations*. New York : Knopf, 489 pp.
- Nye J.S. Jr. (2015). *Is the American Century Over? (Global Futures)*. 1st Edition. Cambridge : Polity, 282 pp.
- Nye J.S. Jr. (2020). *Do Morals Matter? Presidents and Foreign Policy from FDR to Trump*. New York : Oxford University Press, 272 pp.
- Organski A.F.K. (1958). *World Politics*. New York : Alfred A. Knopf, 461 pp.
- Petito F. (2016). Dialogue of Civilizations in a Multipolar World: Toward a Multicivilizational Multiplex World Order. *International Studies Review*, vol. 18, no. 1, pp. 78–91. DOI: 10.1093/isr/viv030.
- Power Transition in Asia* (2017). Ed. by D. Walton, E. Kavalski. London : Routledge, 240 pp. DOI: 10.4324/9781315601830.
- Power Transitions: Strategies for the 21st Century* (2000). Tammen R.L. [et al.] 1st edition. London : Seven Bridges Press, LLC / Chatham House, 244 pp.
- Reich S., Lebow R.N. (2014). *Good-Bye Hegemony! Power and Influence in the Global System*. Princeton: Princeton University Press, 208 pp.
- Revizorsky M. (2015). G7/8 – G20 – BRICS: a new triad in global governance? *Bulletin of international organizations: education, science, new economy*, vol. 10, no. 4, pp. 29–48 (in Russian). DOI: 10.17323/1996-7845-2015-04-29.
- RF-PRC (1997). Declaration on a Multipolar World. *Codex Consortium. Electronic fund of legal and regulatory documents* (in Russian). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/1902155>, accessed 16.06.2022.
- Rosencrance R. (1986). *The Rise of the Trading State. Commerce and Conquest*

in the Modern World. New York : Basic Books, 268 pp.

Shakleina T.A. (2021). A new stage in the formation of the world order. *International processes*, vol. 19, no. 3 (66), pp. 6–21 (in Russian). DOI: 10.17994/IT.2021.19.3.66.6.

Singh J.P. (2020). Race, culture, and economics: an example from North-South trade relations. *Review of International Political Economy*, vol. 28, no. 2, pp. 1–13. DOI: 10.1080/09692290.2020.1771612.

Stubbs R. (2018). Order and Contestation in the Asia-Pacific Region: Liberal vs Developmental/Non-interventionist Approaches. *The International Spectator*, vol. 53, no. 1, pp. 138–151. DOI: 10.1080/03932729.2018.1402581.

Stuenkel O. (2015). The G7 and BRICS in the Post-Crimea World Order.

Russia in Global Affairs, vol. 13, no. 2, pp. 128–138. Available at: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/the-g7-and-brics-in-the-post-crimea-world-order/>, accessed 16.06.2022.

Thakur R. (2014). How Representative are BRICS? *Third World Quarterly*, vol. 35, no. 10, pp. 1791–1808. DOI: 10.1080/01436597.2014.971594.

Voskressenski A.D. (2021). New world architectonics, macro-regional transformations of a potentially global nature and the significance of the Chinese experience. *Comparative Politics Russia*, vol. 12, no. 3, pp. 5–20 (in Russian). DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10024.

Xuetong Y. (2013). For a New Bipolarity: China and Russia vs. America. *New Perspectives Quarterly*, vol. 30, no. 2, pp. 12–15. DOI: 10.1111/npqu.11366.